

СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (1965–1985 гг.)

А. П. Лебедев

В статье на основе анализа партийно-государственных документов, архивных материалов, официальных статистических данных и научной литературы предпринята попытка рассмотреть актуальные проблемы аграрной политики и аграрного развития СССР в 1960–80 гг.; показать, почему, несмотря на многочисленные решения в области сельского хозяйства, не удалось создать высокоэффективный аграрный сектор, каковы были ведущие тенденции в эволюции аграрной политики, влияние на решение задач модернизации аграрного сектора идеологических установок правящей партии.

Ключевые слова: аграрная политика, партия, государство, экономика, хозрасчет, реформа, контрреформа.

CONTENT AND FOCUS OF AGRICULTURAL POLICY OF USSR (1965 – 1985)

A. P. Lebedev

The article, basing on the analysis of party and government documents, archival materials, the official statistical data and scientific literature, attempts to consider urgent problems of agrarian policy and rural development in the USSR of 1960 – 1980 years, to find causes of fail in creation of a highly efficient agricultural sector despite numerous solutions in the field of agriculture, to determine the major trends in the evolution of agricultural policy and impact ideological orientation of the ruling party on the solution of the problems of modernization in the agricultural sector.

Keywords: agricultural policy, the party, the state, the economy, self-sufficiency, reform, counter-reform.

Период с середины 1960-х до 1980-х гг. принято называть «двадцатилетием упущенных возможностей». Именно тогда накапливавшиеся десятилетиями негативные трудности, нерешенные проблемы и загнанные внутрь болезни общества привели его к глубокому кризису: стагнации экономики, деформациям общественно-политической жизни, духовному кризису.

Начало этому периоду положил октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК, освободивший Н. С. Хрущева от партийных и государственных должностей. Отставка Хрущева, по существу, продемонстрировала победу того курса, который утверждался самим Хрущевым, – курс

на самовластие партаппарата. Брошенный с трибуны Пленума лозунг «Стабильности» в противовес беспорядочным, импульсивным, непродуманным реформам Хрущева не мог не импонировать обществу. Однако скоро стало ясно, что на почве четко проступившего в общественном сознании «императива гарантированности, стабильности существования пошла верхушечная контрреформа, связанная с дезавуированием хрущевских перемен» [4, с. 153]. Длительное господство сталинизма создало мощные силы, заинтересованные в сохранении административной экономики и авторитарной политики. Одновременно это господство означало уничтоже-

ние всего, что могло стать зародышем общественной самоорганизации, перерыв традиции, физическое отсутствие людей, имеющих опыт жизни в иных, не авторитарных условиях, оно превращало в инстинкт боязнь инициативы, отступление от принятых установок, вело к тотальному распространению вульгаризированных форм идеологии. Соответственно замедлялось и затруднялось сплочение сил, объективно заинтересованных в ликвидации сталинизма.

Результатом сложения множества факторов, действовавших в этой необычной обстановке, явилось преобладание внутренне противоречивых, непоследовательных форм общественного развития. Пришедшее к власти третье поколение советских партийно-государственных деятелей, провозглашая курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, научное руководство обществом, по существу, занялось «мягким» администрированием – бюрократической перестановкой и перетасовкой без затрагивания политической основы строя, трансформации способа хозяйствования. В современной литературе действия брежневской администрации в этом направлении трактуются как период контрреформ, включавших в себя партийную, управленческую, политическую и гражданскую контрреформу, псевдореформу экономики [4, с. 155–159].

Наиболее ярко сохранение консервативных устоев и порядков проявилось в сфере партийной жизни. Формально КПСС оставалась стержнем советской политической системы. Обществу усиленно навязывался тезис «о возрастании руководящей роли КПСС в условиях развитого социализма и ее становлении как партии всего советского народа». Конкретным проявлением данной тенденции, как утверждалось в партийных документах, являлся рост численности коммунистов, достигший в середине 1980-х гг. 80 млн чел. Между тем быстрый рост рядов партии, переход ре-

альной власти к исполнительным органам (бюро, секретариатам парткомов, а фактически к аппарату) снижали быстрое значение к членству в партии. Как следствие бюрократизации КПСС рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политики партии, проведении принятых решений в жизнь. Почти полное отсутствие возможности критики снизу создавало обстановку благодушия и беззаказности. Формировалась особая атмосфера достижений, успехов, устойчивого роста, атмосфера якобы существовавшего в обществе высшего единения, хотя все это отсутствовало в повседневной жизни.

Новое руководство, заинтересованное в сохранении незыблемости системы, авторитарных методов руководства провозгласило курс на стабильность в кадровой политике. На XXIII съезде КПСС (1966 г.) из устава было исключено требование ротации кадров. С XXIV съезда (1971 г.) наметилась линия на явную геронтократизацию партийных функционеров, о чем свидетельствует изменение их среднего возраста с 49 лет (1971 г.) до 59 лет (1980 г.). В 1981 г. среднее «политическое долголетие» секретарей региональных партийных организаций равнялось 10 годам в РСФСР. Средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет. Обновления в кадровой политике сводились либо к расширению состава парткомов, либо к перемещению лиц с партийной на советскую и хозяйственную работу. Судьба партийных чиновников обрела долгожданные черты предсказуемости, прочности. Попадание в номенклатурную обойму означало возможность оставаться причастным к ней пожизненно. Подобная предсказуемость совсем отменяла самокритичность, упраздняла необходимость в механизмах совершенствования деятельности.

Важным инструментом консолидации правящего класса стало формирование клановых структур. Преданности делу партии добивались не сталинскими репрессиями, не хрущевскими им-

провизаторскими встрясками, а принадлежностью к той или иной «команде», формировавшейся на земляческих, родственных признаках. «Номенклатурным героем» становился человек, способный умело молчать, умело «выходить» на нужного покровителя и постепенно, но неуклонно продвигаться вверх. В такой обстановке к власти пробивались отнюдь не самые способные руководители, не самые убежденные политики, не самые преданные народу, а самые хитроумные мастера групповой борьбы, интриг и даже обыкновенной коррупции.

Заметную роль в формировании политического климата страны, создании необходимого теоретического фундамента сыграла концепция «развитого социализма», заменившая скороспелое понятие «развернутого строительства коммунизма». Идея «развитого социализма», казалось бы, означала торжество трезвости, реализма в противовес необоснованным теориям непосредственного строительства коммунизма. Однако вскоре эта теория и сама приобрела чисто умозрительный характер беззастенчивой апологетики существовавшего порядка вещей. Началась полоса политического очковтирательства: недостатки всевозможно преуменьшались, а достижения раздувались [11, с. 53].

Укреплению власти госаппарата способствовала управленческая контрреформа. После сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК совнархозы были ликвидированы, усилилось административно-бюрократическое начало. Руководство передавалось созданным министерствам. Попытки Н. С. Хрущева преодолеть диктат центра путем модернизации управления, усиления горизонтальных прямых связей между промышленными предприятиями были, в сущности, уничтожены. Несмотря на то что в партийных документах говорилось об экономических стимулах и методах управления, все вернулось к еще более расширенной и укрупненной, изолированной центрально-административной организации производства.

Стремление к стабилизации административной системы отразилось на ходе и результатах экономической реформы. Необходимость перемен в советской экономике назрела уже к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Уже тогда отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961–1965 гг. он вырос на 5,7 %, что было немного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. Среднегодовые темпы роста производительности труда сократились с 6,5 % в 1956–1960 гг. до 4,6 % в 1961–1965 гг. За счет роста производительности труда было получено лишь 62 % прироста промышленной продукции, а 38 % – за счет быстро возрастающей численности рабочих. Это говорило об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений науки.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положения в народном хозяйстве. К началу 1960-х гг. стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. В связи с этим в стране развернулось обсуждение проблем совершенствования управления, причем акцент все больше делался на необходимость изменения общих условий хозяйствования, усиления экономических рычагов и стимулов [6, с. 41].

Неблагоприятные тенденции действовали и в сфере сельского хозяйства, всегда бывшего в поле зрения партийных органов. Принималось несметное число различных постановлений на всех иерархических уровнях: на союзном – съездами партии, пленумами, Политбюро и Секретариатом ЦК, очень часто совместно с правительством после основательной проработки в аппарате ЦК с привлечением заинтересованных организаций и экспертов; то же – в республиках, краях, областях и районах. Круг обсуждавшихся проблем был весьма широк: от посевных площадей

и поголовья скота до подготовки кадров и развития науки, подбора людей и оплаты труда. Эта контрольная сторона действовала образцово. Тем не менее пути административной экономики сковывали развитие сельского хозяйства, препятствовали его современной интенсификации.

Рассматривая динамические ряды, характеризующие уровень производства, нетрудно заметить некоторую волнообразность с повышающимися и понижающимися темпами роста. Повышающаяся волна была в пятилетие после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, которая быстро затухла, поскольку основа аграрных отношений оставалась неизменной. Так, если в 1954–1959 гг. среднегодовой объем производства на 34,4 % превышал аналогичный показатель за предшествующее пятилетие, то в следующее пятилетие (1960–1964 гг.) – на 19,4 %. Аграрная политика государства упорно пренебрегала жизненными правами и интересами основного производителя благ на земле – крестьянина, что и было главной причиной неэффективности производства. Однако очевидный факт необходимости коренной реформы в аграрной сфере не мог еще стать курсом системы. Решение же частных, преимущественно организационных, вопросов не изменяло общей ситуации на селе, что и подтвердили последующие события.

Новая попытка разработать эффективную аграрную политику была сделана после смещения с руководящих постов Н. С. Хрущева. Первые предпринятые в этой области шаги были многообещающими. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС осудил практику администрирования и командования. Установился многолетний (на 5 лет) план, исключавший произвольные его изменения, выдачу колхозам и совхозам дополнительных внеплановых заданий. Это определяло более стабильные условия хозяйствования, возможность более широко осуществлять хозяйственный маневр, проявлять инициати-

ву и предприимчивость. Было усилено экономическое стимулирование труда: изменены условия заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции, введено материальное поощрение ее сверхплановой продажи (не менее чем на 50 %). Предусматривалось также улучшение банковского кредитования. Установилась более рациональная система налогообложения колхозов, снижена цена на технику. Принимались меры по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства [5, с. 66–100]. Можно сказать, суть мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. состояла в развязывании хозяйственной инициативы и либерализации экономической жизни.

В русле решений мартовского (1965 г.) Пленума были предприняты и осуществлены два крупных мероприятия. Речь идет, прежде всего, о введении с 1 июля 1966 г. гарантированной оплаты труда колхозников (деньгами и натурой в соответствии с тарифной сеткой работников совхозов) [5, с. 90–91].

В мае 1966 г. было принято другое важное решение «о широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» [5, с. 93–97]. Предусматривалось в течение ближайших 10 лет увеличить площадь орошаемых земель на 7–8 млн га, осушенных – на 15–16 млн га, всего же мелиорированных земель к 1975 г. иметь 37–39 млн га. Специально созданное мощное Министерство мелиорации и водного хозяйства, наделенное широкими полномочиями, должно было способствовать интенсификации производства. Это позднее деятельность Минводхоза СССР, ставшего монополистом, поставила многие регионы страны на грань экологической катастрофы, на тот же момент мелиорация, как и химизация, только набирала темпы.

После 1965 г. резко возросли капиталовложения в аграрный сектор, превысившие пятую часть всех инвестиций. За 1965–1985 гг. финансовые затраты составили 670,4 млрд руб. [6, с. 253], уси-

лилось материально-техническое снабжение. Результатом принятия мер стал заметный рост производства (табл. 1). Вторая половина 1960-х гг. дала самый высокий абсолютный (27,3 млрд руб.) и относительный прирост (21,3 %) сельскохозяйственной продукции. Затем повторилась ситуация, как и после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, началось снижение темпов роста. Среднегодовой прирост в первой половине 1980-х гг. едва достигал 1 %. Назревала новый виток аграрного кризиса – кризиса, прежде все-

го, огосударственного хозяйства в земледелии и порожденного им отрыва земледельца от земли, средств и результатов труда; иерархических властно-управленческих структур, осуществлявших административно-централистский диктат в сельском хозяйстве; принципов и форм взаимосвязей первичных производственных и последующих хозяйственных уровней характера связей земледелия и промышленности, города и села, путей преодоления социально-экономических различий между ними.

Т а б л и ц а 1

Среднегодовые объемы валовой продукции и капиталовложений сельского хозяйства СССР (в сопоставимых ценах 1983 г.)

Пятилетия	Валовая продукция		Капиталовложения	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
1961—1965	128,3	100,0	51,4	100,0
1966—1970	155,6	121,3	84,0	163,4
1971—1975	176,0	137,2	134,4	261,5
1976—1980	191,1	148,9	175,2	340,9
1981—1985	201,3	156,9	204,6	398,1

Составлена по: [10, с. 276; 13, с. 25].

В середине 1960-х гг. экономистами-аграрниками (В. Г. Венжер, И. Н. Бузда-лов, М. Я. Лемешев, Г. С. Лисичкин и др.) вносились предложения о начале серьезного реформирования в сельском хозяйстве и АПК в целом. Исходя из тех же решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о «всемерном развитии товарных отношений», речь шла о возрождении рыночных отношений, кооперации, сочетании рынка и плана, производственной демократии и т. д. Однако попытки ученых-«рыночников» приступить к разработке проблем, поставленных пленумом, натолкнулись на жестокую критику, травлю с определенными оргвыводами. Руководство страны продолжало на деле осуществлять политику дальнейшего последовательного огосударствления аграрной сферы, «засилья крайнего государственного

монополизма» [3, с. 15]. Несмотря на то что происходил количественный рост масштабов производства (табл. 2), воз-раставший потенциал не был адекватен выходу продукции. Производительность труда в сельском хозяйстве оставалась низкой. Урожайность росла медленно. Это свидетельствовало о неблагополучии как со структурой фондов и инвестиций, так и со стимулированием труда, обеспечением интереса работников к производительности и бережливости. Попытки же повышения эффективности сельского хозяйства не давали результа-тов и даже оканчивались неудачей, по-тому что они основывались на упрочении, углублении и совершенствовании существовавших отношений, структур и принципов. Соответственно, ника-кие организационные преобразования, изменения управленческих структур,

форм директивного планирования, размеров хозяйств, систем стимулирования и т. п. не могли обеспечить устойчиво-

го динамичного развития земледелия. Многие из них давали прямой негативный результат.

Т а б л и ц а 2

Ресурсный потенциал сельского хозяйства в СССР

Показатель	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1985 г. к 1960 г., %
Сельскохозяйственные угодья, млн га	515,4	545,8	553,6	558,4	108,4
В том числе:					
пашня	220,0	223,5	226,4	227,1	103,2
мелиорированные земли	16,3	18,2	29,8	34,3	210,4
Среднегодовая численность работающих, включая привлеченных, млн чел.	26,1	24,1	22,9	22,4	85,8
Энергетическая мощность, млн л.с.	155,9	322,1	603,9	761,3	488,3
Потребление электроэнергии, кВт/ч	9,9	38,6	111,0	146,0	14,7 раза
Стоимость основных производственных фондов с/х назначения (в сопоставимых ценах), млрд руб.	55,0	105,9	238,1	316,0	574,5
Поставка минеральных удобрений, млн т	2,6	10,3	18,8	25,4	976,9

Составлена по: [2, с.11; 13, с. 17, 20–21, 206].

Одним из таких мероприятий было укрупнение хозяйств. Долгое время утверждалась концепция, что развитие интенсивного сельского хозяйства может быть осуществлено только при функционировании крупных организационных форм. Как следствие – сокращение числа колхозов, которых к концу 1950 г. насчитывалось 121,4 тыс., в 1960 г. – уже 44,0, в 1970 г. – 33,0, в 1980 г. – 25,9 и в 1985 г. – 26,2 тыс. [13, с. 6]. Однако закон концентрации в сельском хозяйстве действовал с большими ограничениями. Превышение оптимального уровня вело к негативным результатам, что особенно наглядно проявилось при создании необоснованно крупных колхозов и совхозов, ферм-гигантов без обеспечения необходимых условий для их нормального функционирования. Укрупнение, проводимое волевым способом, путем простого соединения мелких хозяйств,

при большой распыленности населения, изрезанности земельных угодий, плохих дорогах вело к потере управляемости, росту транспортных и управленческих расходов. Кроме того, в животноводстве возрастала опасность из-за эпизоотий и экологических осложнений.

Негативные последствия такая концентрация имела и в социально-бытовом отношении. Под благовидным предлогом создания для сельских жителей лучших условий жизни, «стирания граней» между городом и деревней началось сселение малых деревень. Все сельские населенные пункты классифицировались на «перспективные» и «неперспективные». Осуществление намеченного было поручено проектным и строительным организациям. При планировании «перспективных» поселков возобладал технократический подход (меньше материала, меньше под застройку земли,

короче коммуникации), но вовсе не социальный. Начали строить «экономичные» малогабаритные многоэтажные дома (все, как в городе) без хозяйственных и подсобных построек. Удобств для сельского жителя в таких домах никаких не получилось, скученность же – налицо. Крестьянский уклад рушился. Из «неперспективных» постепенно убрали объекты социальной инфраструктуры: магазины, школы, медпункты, детские учреждения. В результате из сел стали уходить люди, прежде всего молодежь. Далее наступило запустение земель. За межпереписной период (1959–1989 гг.) число сел и деревень в России сократилось с 294 059 до 152 922. Выходило, что в среднем за год погибало по 4 704 поселения, а ежедневно – почти 13. Налицо – явная депопуляция и запустение российского села.

Очередным шагом на пути усиления в аграрном секторе государственного начала явилось массовое создание с середины 1950-х гг. совхозов, ставшее ярким примером того, как стремление к единообразию, провозглашению одной из форм главенствующей приводит к необратимым деформациям самой формы, как это случилось с государственным совхозным производством. По данным ЦСУ, число совхозов возросло с 5,0 тыс. в 1950 г. до 11,7 в 1965 г., до 18,1 – в 1975 г. и до 22,7 – в 1985 г., т. е. увеличилось в 4,5 раза. В то же время с 1954 г. по 1985 г. были преобразованы в совхозы 27 962 колхоза, или почти 1/3 их общего количества [13, с. 6; 14, с. 32]. Еще разительнее – картина при сравнении производственного потенциала колхозов и совхозов (табл. 3). Нетрудно проследить возрастание удельного веса государственных хозяйств.

Т а б л и ц а 3

Основные показатели развития колхозов и совхозов

Показатель	Колхозы		Совхозы	
	1965 г.	1985 г.	1965 г.	1985 г.
Число хозяйств (на конец года), тыс.	36,3	26,2	11,7	22,7
Производственные основные фонды с/х назначения, млрд руб.	42,3	126,6	23,3	152,4
Сельскохозяйственные угодья, млн га	223,6	169,8	311,6	365,2

Составлена по: [7, с. 277; 8, с. 397; 13, с. 443–451].

Надо сказать, что с первых лет существования совхозов им были присущи особенности, обусловленные спецификой государственной собственности и происходившим отсюда характером взаимоотношений с государством. Даже в экономически тяжелое время совхозам, как правило, оказывалась помощь со стороны государства. Новые совхозы создавались за счет государственных средств, а опытные, племенные и семеноводческие хозяйства всегда полностью находились на бюджетном финансировании. В результате уровень специализации в совхозах всегда был выше, чем в колхозах. Основа-

ние совхозов на государственной форме собственности означало, что государство брало на себя хозяйственную ответственность по организации в них производства, не только выделяло средства в виде кредитов, но и осуществляло прямые капитальные вложения на производственные и непроизводственные цели. Это во многом обуславливало дифференциацию технико-экономических условий производства в совхозах и колхозах: совхозы были значительно лучше обеспечены энергоресурсами, фонд вооруженность в них превышал в 1,3 раза, энерговооруженность – в 1,4 раза.

Более высокий уровень специализации производства в совхозах сопровождался и более высоким, чем в колхозах, уровнем комплексной механизации и механизации отдельных видов работ как в растениеводстве, так и в животноводстве. Сезонность производства в колхозах, даже с учетом более низкого уровня специализации, была значительно выше, чем в совхозах, отсюда – низкая занятость по сезонам года в общественном производстве, большая неравномерность в размере и стабильности оплаты труда, которая в совхозах была выше в 1,2 раза.

Более высокий экономический уровень совхозов в известной степени дополнялся и лучшими (в среднем) по сравнению с колхозами условиями жизни: в 1981–1985 гг. вложения государства в непроизводственную сферу совхозов составляли 31,7 млрд руб. против 16,7 млрд руб. в колхозах, т. е. почти в 2 раза выше.

Жилой фонд в совхозах строился преимущественно за счет средств государства, в колхозах – за счет собст-

венных средств колхоза или самих колхозников; пенсии работников совхозов были выше, чем колхозников.

Отмеченные особенности и преимущества совхозов по сравнению с колхозами породили мнение о несовершенстве кооперативно-колхозной собственности, а процесс «совхозизации» расценивался как возрастание зрелости производственных отношений в деревне. Однако анализ показывает, что деятельность совхозов, имевших ряд преимуществ в производственных и социально-экономических условиях по сравнению с колхозами, была недостаточно результативной (табл. 4). Из данных Госкомстата видно, что совхозы, владея 67,8 % сельскохозяйственных угодий страны, производили 38,4 % продукции. Колхозы же на 30,4% угодий создавали 35,4 % продукции. Кроме того, удельный вес убыточных совхозов во всех хозяйствах составил 23% против 13% колхозов, численность убыточных совхозов составляла 5,3 тыс., убыточных колхозов – 3,4 тыс. [9, с. 527–535].

Таблица 4

Валовая продукция сельского хозяйства СССР по категориям хозяйств в 1985 г.

Показатель	Млрд руб.	%
Все категории хозяйств	208,6	100,0
Совхозы и другие государственные хозяйства	80,1	38,4
Колхозы	73,9	35,4
Хозяйства населения	52,4	25,1
Прочие	2,2	1,1

Составлена по: [9, с. 458].

Объясняется это следующим. Опыт развития совхозов свидетельствует о том, что государство, создав эту форму хозяйства на свои средства и полностью отвечая за результаты их хозяйственной деятельности, практически лишило эти предприятия собственности на средства производства и производимый продукт, возможности самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, под-

чило их жесткой регламентации и директивным указаниям органов управления, превратив тем самым работников совхозов в исполнителей, лишенных инициативы, интереса к предмету труда – земле и конечным его результатам. Совхоз как форма реализации государственной собственности был, по сути, лишен стимулов развития, изыскания внутренних резервов.

Еще одной причиной низкой эффективности совхозов являлось ослабление их экономики, вызванное процессом преобразования части колхозов в совхозы. Осознавало ли высшее руководство страны проблематичность данного подхода. Часть его – несомненно. Это прослеживается из докладной записки от 8 апреля 1966 г. секретаря ЦК КПСС Ф. Д. Кулакова, курировавшего сельское хозяйство, и министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича на имя Л. И. Брежнева. Анализируя результаты массового перевода колхозов в совхозы за период с 1954 по 1965 г., когда на базе 21 680 колхозов было организовано 4 569 новых и укрупнена часть старых совхозов, становится очевидным, что большая часть новых совхозов являлась убыточной. Авторы записки, апеллируя к решениям мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, доказывали необходимость укрепления и развития на селе как государственного, так и колхозно-кооперативного типов общественного хозяйства [12]. Однако, как уже отмечалось, возобладала линия на дальнейшее огосударствление сельского хозяйства. Практика преобразования колхозов в совхозы, хотя и не в таких масштабах, продолжилась и в последующие годы. Иногда складывалась парадоксальная ситуация, когда наряду с экономически слабыми хозяйствами преобразовывались и крепкие колхозы. Приблизительно половина реорганизуемых в 1975 г.

колхозов Мордовии имела рентабельность от 20 до 68 %. Необходимость такой меры объяснялась стремлением повысить эффективность управления сельскохозяйственным производством [15]. Приоритет по-прежнему отдавался мерам организационного характера, что не улучшало экономического положения ни колхозов, ни совхозов.

Таким образом, хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий, несмотря на достаточно крупные вложения государственных ресурсов, был нанесен значительный ущерб. Государственная опека оказалась дорогостоящей для народного хозяйства и неэффективной для отдельного хозяйства. Оказалась подорванной их экономика, они лишились перспектив развития, превратившись в долгосрочных должников не по своей воле.

В условиях осуществления реформ, появления многообразия форм хозяйства создавались предпосылки для развития сельского хозяйства в целях решения продовольственной и сырьевой проблемы. Это было возможно при общей политической стабильности и здоровой финансово-экономической ситуации в стране; научно обоснованной аграрной политике; использовании права крестьянина на владение, пользование и распоряжение средствами производства и результатами труда; заинтересованности широких слоев общества в проведении реформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Брежнев, Л. И.** Ленинским курсом / Л. И. Брежнев. – Москва : Политиздат, 1970. – Т. 1. – 294 с.
2. **Ващук, Л. И.** Развитие сельского хозяйства СССР : цифры и факты / Л. И. Ващук. – Москва : Финансы и статистика, 1986. – 95 с.
3. **Венжер, В. Г.** Как было, как могло быть, как стало, как должно стать (вопросы истории нашего строя) / В. Г. Венжер. – Москва : Наука, 1990. – 186 с.
4. **Ильин, В. В.** Реформы и контрреформы в России / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. – Москва : Политиздат, 1986. – Т. 11. – 346 с.
6. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе ; под общ. ред. В. В. Журавлева. – Москва : Политиздат, 1990. – 270 с.
7. Народное хозяйство СССР в 1965 г. : стат. ежегод. / ЦСУ СССР. – Москва : Статистика, 1966. – 314 с.

8. Народное хозяйство СССР в 1970 г. : стат. ежегод. / ЦСУ СССР. – Москва : Статистика, 1971. – 415 с.
9. Народное хозяйство СССР в 1990 г. : стат. ежегод. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – 598 с.
10. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейн. стат. ежегод. / Госкомстат СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
11. Развитой социализм: проблемы теории и практики. – М. : Наука, 1982. – 53 с.
12. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 449. Л. 82–83.
13. Сельское хозяйство СССР : стат. сб. / Госкомстат СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1988. – 535 с.
14. **Тюрина, А. П.** Советская деревня на путях обновления / А. П. Тюрина. – Москва : Знание, 1989. – 115 с.
15. ЦГА РМ Ф. 228. Оп. 2. Д. 303. Л.133 – 134,137–154.

Поступила 11.10.2013 г.

Об авторе:

Лебедев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), lebedev2010@mail.ru

Для цитирования: Лебедев, А. П. Содержание и направленность аграрной политики в СССР (1965–1985 гг.) / А. П. Лебедев // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 64–74.

REFERENCES

1. Brezhnev L. I. Leninskim kursom [Leninist course]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 1, 294 p.
2. Vashchuk L. I. Razvitie sel'skogo hozjajstva SSSR : cifry i fakty [Development of agriculture of the USSR : Facts and Figures]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1986, 95 p.
3. Wenger V. G. Kak bylo, kak moglo byt', kak stalo, kak dolzhno stat' [As it was, as could it be, as it became, as it should be (issues of history of our state system)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 186 p.
4. Ilyin V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. Reformy i kontreformy v Rossii [Reforms and counter-reforms in Russia]. Moscow, MGU Publ., 1996, 400 p.
5. KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezдов, konferencij i plenumov [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums]. M., Politizdat Publ., 1986, vol. 11, 346 p.
6. Na poroge krizisa: narastanie zastojnyh javlenii v partii i obshhestve [On the eve of the crisis: the stagnation in the growth of the party and society], general ed. by Zhuravlev V. V.. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 270 p.
7. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1965 g.: stat. ezhegodnik [USSR National Economy in 1965: stat. yearbook]. Moscow, Statistics Publ., 1966, 314 p.
8. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1970 g.: stat. ezhegodnik [Economy of the USSR in 1970 : stat. yearbook]. Moscow, Statistics Publ., 1971, 415 p.
9. Narodnoe hozjajstvo SSSR v 1990 g.: stat. ezhegodnik [Economy of the USSR in 1990 : stat. yearbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1991, 598 p.
10. Narodnoe hozjajstvo SSSR za 70 let : jubilejn. stat. ezhegodnik [Economy of the USSR for 70 years jubilee stat. yearbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1987, 766 p.
11. Razvitij socializm: problemy teorii i praktiki [Developed Socialism: Issues of Theory and Practice]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 53 p.
12. RGAJe [Russian State Archive of the Economy (RSAE)]. F.7486.OP.21.D.449. L.82 – 83.
13. Sel'skoe hozjajstvo SSSR : stat. sb. [Agriculture of the USSR: stat. digest]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 1988, 535 p.
14. Tyurina A. P. Sovetskaja derevnja na putjah obnovlenija [Soviet village on the upgrade ways]. Moscow, Knowledge Publ., 1989, 115 p.
15. CGA RM [Central State Archive RM (RM CSA)]. F.228.OP.2.D.303.L.133–134,137–154.

About the author:

Lebedev Aleksandr Petrovich, associate professor of History of Russia chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Kandidat Nauk (PhD) degree holder in Historical sciences, lebedev2010@mail.ru

For citation: Lebedev A. P. Soderzhanie i napravlennost' agrarnoj politiki v SSSR (1965 – 1985 gg.) [Contents and focus of agricultural politics of USSR (1965 – 1985)]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta – Mordovia University Bulletin*. 2014, no. 3, pp. 64 – 74.